Игорь Ковриков

Записки ритуального агента

и

другие истории

16+

Игорь Алексеевич Ковриков

Записки ритуального агента и другие истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48621888
SelfPub; 2023

Аннотация

Ульяна Синицина – ритуальный агент. Она приходит к людям в самые трагические минуты их жизни, но часто встречает непонимание и неприязнь. Несмотря на это, она всегда пытается помочь, воспринимая чужую боль как свою собственную.

Содержание

Записки ритуального агента 4
Часть первая. Ульяна Синицына 5
Часть вторая. Афганец 20
Часть третья. Похороны 27
Часть четвёртая. Старушка 34
Рассказы 42
Экзорцист и демон-некромант 42
Выстрел, которого не было 52
Памятник 59
Проклятие Иуды 63
Инспектор ДПС 68
Интервью. Часть первая 77
Интервью. Часть вторая 83

Игорь Ковриков
Записки ритуального агента и другие истории

Записки ритуального агента

(Основано на реальных событиях. Имена изменены.)

Часть первая. Ульяна Синицына

Звонок от диспетчера раздался в два часа ночи. Едва раскрыв глаза, хватаю трубку и подношу её к уху.

– Алло.

– Мичуринский проспект, дом номер …, квартира …. Бабушка девяносто два года.

– Поняла.

– Подъедешь к адресу – перезвони.

В трубке раздались короткие гудки, а я вскочила с кровати и начала собираться. Сумка со всем необходимым стоит в коридоре. В ней лежат документы, нашатырный спирт, бахилы, медицинские маска и перчатки, ментоловая мазь, которую мажу себе у носа в случаи трупного запаха, и многое другое. На самом дне лежит фляжка коньяку, чтобы в случае чего успокоить родственников. Быстро одевшись и схватив сумку, выбегаю на улицу и прыгаю в свою старенькую машину.

Автомобиль завёлся с третьего раза. И это летом. Аккумулятор слабый, и к зиме надо будет его поменять. Вообще-то поменять надо его уже сейчас, но денег нет, поэтому я всё время откладываю это мероприятие. Но до бесконечности переносить на потом это нельзя, и я морщусь, представляя, сколько он может стоить.

Я доехала до адреса за двадцать минут и сразу перезвони-

ла девочкам.

– Тебя ждут, Ульяна, – прозвучало в трубке. – Ты сотрудница социальной службы. Приехала, чтобы оказать бесплатную помощь в оформлении документов. Милиции и трупоперевозки на адресе ещё нет.

– Ясно, – говорю я, глядя на машину скорой помощи, стоящую у подъезда. – Я на адресе.

Захожу в подъезд и поднимаюсь на лифте на девятый этаж. Дверь открыла женщина лет шестидесяти в синем платье и с заплаканным лицом.

– Здравствуйте, – говорю я. – Меня зовут Ульяна Синицына. Я бесплатный сотрудник социальной службы. Вот мои документы. Я приехала по вызову диспетчера специально, чтобы оградить вас от мошенников и минимизировать ваши расходы.

Женщина смотрит на меня непонимающим взглядом. Я специально не произнесла слово «агент», поскольку, услышав его, люди в девяноста процентов случаев закрывают дверь прямо перед носом.

– Могу я пройти? – спрашиваю я.

– Да, пожалуйста, – говорит женщина и отходит назад, пропуская меня в квартиру.

Я захожу в полутёмную прихожую и одеваю заранее приготовленные бахилы.

– Как вас зовут? – спрашиваю я женщину.

– Раиса Георгиевна, – ответила она.

– Что у вас случилось, Раиса Георгиевна?

– Умерла моя мама, – сквозь слёзы отвечает она.

– Примите мои соболезнования, – говорю я. – Где мы с вами можем поговорить?

– Проходите в комнату.

– Прежде чем пройти, хочу вас предупредить, что сейчас вам могут начать звонить по телефону, чтобы предложить свои услуги в деле организации похорон, – мягко говорю я. – Это могут быть мошенники, так что на звонки не отвечайте.

Только я это сказала, как сразу же зазвонил телефон, стоящий рядом на маленьком столике. Раиса Георгиевна посмотрела на него и сразу подняла глаза на меня.

– Я поняла, – кивнула она и открыла дверь в комнату.

Мы заходим в гостиную. За столом сидит женщина врач скорой помощи и что-то торопливо пишет.

– Здравствуйте, – поздоровалась я.

Доктор отрывается от бумаг и смотрит на меня, как бык на красную тряпку.

– А это ещё кто? – спрашивает она.

– Это из социальной службы, – ответила Раиса Георгиевна.

– Эти агенты – как вороньё, – говорит врачиха, ничего не стесняясь.

К чему такая агрессия!? Сколько работаю – никак не могу к этому привыкнуть. Я действительно пришла помочь людям и проконсультирую их совершенно бесплатно. В других

местах вызов агента стоит десять тысяч.

– Могу я посмотреть на усопшую? – спрашиваю я хозяйку, повернувшись к докторше спиной.

– Да, конечно, – говорит Раиса Георгиевна и ведёт меня в соседнюю комнату.

На узкой кровати лежит тело маленькой старушки. Посмотрев на неё, сразу прикидываю приблизительные размеры гроба.

– Надо закрыть окна и задвинуть шторы, – говорю я. – При доступе свежего воздуха тело начинает разлагаться быстрее.

Раиса Георгиевна подходит к окну и закрывает его.

– Я вижу у неё на пальце кольцо, – продолжаю я. – Надо снять все украшения до приезда полиции.

– Ишь, раскомандовалась! – слышу из соседней комнаты рассерженный голос врачихи. – Ничего не трогать до прихода участкового!

– Занимайтесь своим делом, доктор, – спокойно отвечаю я. – А мне позвольте заниматься своим.

После этого врачиха издаёт звук, похожий на собачее рычание.

– А зачем снимать с неё кольца? – спрашивает хозяйка.

– На тот случай, если вы доверите мне поехать в морг вместо вас, – отвечаю я. – Участковый сделает опись, после чего драгоценности из морга выдадут только ближайшим родственникам, и вам придётся ехать в морг самой.

– А вы и в морг за меня сможете съездить? – удивляется

Раиса Георгиевна.

– Я могу сделать за вас всё.

– Господи! – женщина вдруг хватается за голову. – Сколько же всё это будет стоить?

– Не волнуйтесь, Раиса Георгиевна, – отвечаю я. – Мы сделаем всё очень дёшево и достойно похороним вашу маму.

Только зайдя на адрес, я сразу же поняла по убогой обстановке, что денег здесь не заработаешь. Что ж, такое бывает, но не могу же я бросить несчастную женщину наедине с её горем.

Раиса Георгиевна подошла к усопшей, но сразу же отшатнулась.

– Я не могу…

– Я вам помогу, – говорю я и открываю свою сумку.

Одеваю перчатки и маску. Трупного запаха пока нет, значит, обойдусь без ментоловой мази. Подхожу к умершей и снимаю с пальца обручальное золотое кольцо. Потом расстёгиваю ворот сорочки и снимаю с шеи золотую цепочку с маленьким кулончиком. Всё это кладу на письменный стол, стоящий рядом. В это время Раиса Георгиевна опять начинает плакать. Я снимаю маску и перчатки и подхожу к ней.

– Успокойтесь, – говорю я ей. – Я буду с вами от начала и до конца. Помогу вам пережить эти тяжёлые первые дни.

Женщина рассеянно кивает и вытирает слёзы носовым платком. В это время в прихожей раздаётся звонок.

– Я открою, если вы не против, – говорю я и иду к входной

двери.

На пороге стоит капитан полиции. Участковый, поняла я. Сейчас наступает самый ответственный момент. Сейчас мне надо удержаться на адресе, потому что полицейский всеми правдами и неправдами попытается меня отсюда выгнать. Он наверняка привёл с собой своего агента, который, наверное, уже стоит на лестнице. Такие агенты платят участковым откаты, поэтому их услуги стоят намного дороже моих, ведь эти откаты они включают в оплату своих услуг. Но люди, конечно, этого не знают и к тому же до сих пор верят полиции.

– Здравствуйте, – говорит полицейский, ещё не зная, кто я такая. – Можно пройти?

– Проходите.

Участковый заходит в квартиру и сразу проходит в комнату. Врачиха при его появлении поднимает голову.

– Я почти закончила, – говорит она.

Участковый садится за стол и открывает свой портфель, даже не посмотрев на тело.

– Кто родственник? – спрашивает он.

– Я, – Раиса Георгиевна подходит к столу.

– А вы кто? – полицейский смотрит на меня.

– Я бесплатный сотрудник социальной службы от города, – отвечаю я. – Вот мои документы.

– От какого города? – морщится он.

– От города Москва!

У полицейского глаза лезут на лоб.

– Сейчас же покиньте квартиру! – восклицает он.

– Я здесь нахожусь с разрешения хозяйки квартиры, – парирую я. – Это место происшествия, а не преступления, так что имею право.

– Паспорт умершей ей не отдавайте, – говорит участковый, повернувшись к Раисе Георгиевне. – А то потом не найдёте ни её ни паспорта. А могут ещё и вещи какие-нибудь пропасть.

Красавец, думаю я. Только вошёл и даже не спросил имя хозяйки, а уже сделал из меня мошенницу.

Полицейский тем временем разложил на столе свои бумаги.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Раиса Георгиевна, – ответила женщина.

Гениально, опять думаю я. Вообще-то спросить имя надо было сразу.

– От чего наступила смерть? – обратился он к врачу.

– Предварительно – от сердечного приступа, – отвечает докторша.

– Мне нужно двое понятых, – опять говорит участковый.

– Я могу быть понятой, – говорю я. – Второго сейчас найду.

– Посмотрите на лестнице, – произносит он.

Я отворачиваюсь и иду к двери. В этот момент я уже знаю, кто стоит в коридоре.

Выхожу из квартиры и вижу, что у лифта стоит высокий парень. Конечно, это ритуальный агент, которого привёл с собой полицейский и, конечно, он хочет сейчас зайти в квартиру.

– Что там случилось? – спрашивает он.

– Бабушка умерла, – отвечаю я с невозмутимым лицом и, пройдя мимо него, звоню в квартиру напротив.

– А вы кто? – не отстаёт он.

– Родственница, – отрезала я, и дверь открывается.

На пороге стоит полный мужчина в бордовом спортивном костюме.

– Простите, – говорю я. – Вы не согласитесь быть понятым? Умерла ваша соседка.

– Конечно, – кивает он, немного подумав.

– Только захватите свой паспорт.

Мужчина ненадолго скрывается в квартире и выходит уже с паспортом в руке. Мы с ним идем мимо агента, провожаемые его злым взглядом. Наверное, он уже понял, кто я такая.

Заходим в квартиру и сразу проходим в комнату. Полицейский бросает на нас косой взгляд и встаёт из-за стола.

– Вы здесь живёте? – спрашивает он мужчину.

– Да, – отвечает тот. – Я сосед.

– Вы согласны быть понятым при осмотре тела? – опять говорит представитель власти.

– Да, конечно.

Полицейский кивает и проходит в соседнюю комнату. Мы

проходим за ним, и начинается осмотр. Участковый смотрит, нет ли каких повреждений на теле, и начинает писать протокол.

– Скажите, Раиса Георгиевна, ваша мама болела? – задаёт он вопрос.

– Сердце… И давление повышалось.

– А лекарства какие принимала?

– Сердечные капли. И вот ещё таблетки на тумбочке.

Полицейский оборачивается и наклоняется над маленькой тумбочкой, стоящей возле кровати. Он раскладывает коробочки из-под препаратов, лежащие на ней, и старательно переписывает названия в протокол.

– Всё ясно, – наконец говорит он. – Криминала нет. Вызываем трупоперевозку из городского морга.

– Я тоже так думаю, – кивает врач и встаёт со стула. – Мы закончили.

Раиса Георгиевна, услышав слово «трупоперевозка», опять начинает плакать. Вряд ли она в этот момент хорошо соображает, но мне надо именно сейчас ей всё объяснить, чтобы сохранить её деньги.

Есть городские морги и есть судебные. В судебные морги отправляют тогда, когда есть признаки насильственной смерти, либо, когда человек умер вне своего дома или в состоянии алкогольного опьянения, и во всех этих случаях производится вскрытие. В остальных случаях отправляют в

обычный морг. Но есть ещё новые морги, работающие на коммерческой основе, про которые люди ничего не знают. Их услуги стоят почти в два раза, меньше чем в городском, и моя задача тактично убедить Раису Георгиевну отправить тело именно в этот морг, чтобы похороны обошлись ей дешевле.

– Раиса Георгиевна, я вам не советую отправлять тело в городской морг, – вкрадчиво говорю я.

– Это что ещё за новости, – взвилась врачиха. – Я уже вызвала перевозку из городского морга.

– Я вам советую отправить тело в новый морг, – продолжаю я, не обращая внимания на её замечание. – Условия хранения там лучше, и к тому же стоить это будет гораздо дешевле.

Врачиха многозначительно вздыхает. Не понимаю, какое ей до этого дело. Всё время врачи пытаются склонить родственников умерших воспользоваться услугами городского морга, хотя знают, что он намного хуже, чем новые морги. Может быть, они имеют в этом какой-то свой интерес?

– Но ведь врач уже вызвала перевозку, – говорит Раиса Георгиевна.

– Заказ я отменю, это не проблема, – говорю ей. – И, если вы согласны, я вызову перевозку из другого морга.

– А это правда будет дешевле?

– Посудите сами: городской морг вам обойдётся от двадцати тысяч, а я вам найду морг услуги которого вам будут

стоить не больше тринадцати.

– Хорошо, – кивает женщина. – Я согласна.

Докторша проходит мимо меня к двери, громко стуча каблуками. Всем своим видом она показывает своё недовольство. Наверное, ей надо вести себя потактичнее и не устраивать этот спектакль перед родственником только что умершего человека. Но не могу же я сейчас начать ей это объяснять.

Я набираю номер городского морга и отменяю заказ. Потом вызываю перевозку из другого морга, и в это время участковый встаёт со стула.

– Я всё написал, – говорит он. – Предупреждаю вас, Раиса Георгиевна, паспорт умершей никому не отдавайте. Понятые, распишитесь.

Мы с мужчиной в бордовом спортивном костюме подходим к столу и расписываемся.

– Эту бумажку отдадите санитарам, которые приедут за телом, – говорит полицейский. – До свидания.

Он и сосед уходят, а я закрываю за ними дверь и возвращаюсь в комнату. Раиса Георгиевна сидит на стуле и смотрит в одну точку, а я капаю в стакан валокордина и даю ей. После того, как она выпила, пытаюсь её успокоить, но у меня плохо получается. И в самом деле, какие тут можно найти слова?

Когда меня инструктировал психолог, он мне говорил, что нельзя принимать горе других людей близко к сердцу. Это всего лишь твоя работа, и перед тобой чужие люди, кото-

рых ты видишь в первый и наверняка в последний раз. Если постоянно переживать вместе с ними, то можно быстро слететь с катушек, но у меня так не получается. Я вижу полные горя глаза родственников усопшего и не могу относиться равнодушно к их несчастью. И я считаю, что это правильно, несмотря на слова психолога.

Я замечаю, что женщина немножко успокоилась. Наверное, уже сейчас она может разговаривать.

– Раиса Георгиевна, я очень сочувствую вашему горю, – говорю я. – Но нам надо с вами поговорить.

– Я вас слушаю.

– Если вы хотите, то завтра я схожу вместо вас в поликлинику, чтобы получить документы, и съезжу в морг.

– Хорошо. Я согласна, – кивает она.

– Тогда мне нужен паспорт умершей.

– Но участковый говорил мне, что паспорт отдавать никому нельзя.

– Я выдам вам расписку, – успокаиваю её. – Так же мне нужны деньги на морг. Это шестнадцать тысяч рублей, при условии, что врач назначит вскрытие. Если вскрытия не будет, то морг вам обойдётся тринадцать тысяч, и три тысячи я верну вам обратно.

Она встала и подошла к шкафу. Вынув из выдвижного ящика деньги, Раиса Георгиевна молча кладёт их на стол передо мной. Я достаю из своей сумки бланки и быстро пишу расписки на деньги и паспорт.

Через пятнадцать минут приезжает трупоперевозка. Два рослых санитара вошли в квартиру и, сказав какие-то дежурные слова соболезнования, принимаются за свою работу. Они быстро упаковывают тело в целлофановый мешок и выносят его из квартиры. В это время женщина опять начинает плакать. Я подхожу к ней и беру её за руку.

– Успокойтесь, пожалуйста. Вашу маму уже не вернуть, но жизнь есть жизнь. Сейчас я вас оставлю, а завтра позвоню сразу же, как только побываю в морге и получу все документы.

– Спасибо вам, – отвечает она.

– До свидания, – отвечаю я и выхожу из квартиры.

Я выхожу из дома и останавливаюсь около лавочки, стоящей возле подъезда. Я кладу на неё свою сумку и с наслаждением вдыхаю свежий воздух, пытаясь успокоиться.

Всегда происходит одно и то же. Когда идёшь на адрес, повторяешь себе, что надо воспринимать спокойно переживания чужих людей, как учил меня психолог. Но как только оказываешься в квартире, всё переворачивается с ног на голову, и ты уже перестаёшь контролировать свои чувства. Чужие переживания входят в тебя, как сильная энергетика, и ты начинаешь чувствовать горе людей, только что потерявших близкого человека, как своё собственное.

Но бывает и по-другому. Перед тобой захлопывают дверь или грубо отталкивают в коридор, думая, что ты мошенница. Один раз на меня натравили огромного пса, и я еле уверну-

лась от его острых зубов. Хорошо, что дело происходило на первом этаже, и я успела выскочить на улицу, захлопнув за собой дверь парадной.

Я постояла ещё минуты две, приходя в себя. Пора было ехать, и я беру в руку свою сумку и иду к своей машине, но тут на моём пути появляется какая-то тень. Несмотря на темноту, я сразу узнала похоронного агента, стоявшего на лестнице, возле квартиры Раисы Георгиевны.

– Ты чего такая борзая? – подойдя ко мне вплотную, шипит он.

– Не понимаю вас, гражданин, – как ни в чём не бывало отвечаю я. – Дайте пройти.

Делаю шаг влево, пытаясь его обойти, но он опять преграждает мне дорогу.

– Это моя земля, и я на ней работаю, – опять хрипит он в самое лицо, но меня этим не напугаешь.

– Твоя земля может быть только на кладбище, – спокойно отвечаю я. – Могу показать дорогу. А если ещё раз тебя увижу – напишу заявление в полицию о том, что ты мне угрожал.

Даже в темноте я вижу, как его лицо искажается злобой.

– Ладно, посмотрим, – ухмыляется он.

– Всего хорошего.

Агент разворачивается и вразвалку уходит. Я стою и жду, пока он скроется из вида, чтобы он не запомнил машину, в которой я приехала. Бывали случаи, когда конкуренты резали шины или разбивали стёкла. Правда, со мной пока такого

не было, но надо соблюдать осторожность.

Я сажусь за руль и включаю зажигание. В этот раз двигатель завёлся с первого раза.

Часть вторая. Афганец

Приезжаю на адрес и как всегда, прежде чем войти в подъезд звоню диспетчеру.

– Умерла женщина семидесяти пяти лет, – говорит мне диспетчер. – В квартире её сын. Зовут Алексей. По-моему, он не очень вменяем, но ты попробуй с ним поговорить.

Сколько раз я слышала такие слова. Диспетчеры должны постоянно быть на телефоне и общаться с родственниками умершего, но у них не всегда это получается. И тогда они говорят агенту: «Ты попробуй…». Эти слова означают, что почти наверняка тебя не пустят в квартиру, но я уже приехала. Не поворачивать же назад.

Я поднимаюсь на пятый этаж и нахожу нужную квартиру. Звоню в дверь, но мне никто не открывает. Звоню ещё, с тем же успехом. Тогда берусь за ручку, нажимаю её вниз и понимаю, что дверь оказалась открытой.

– Можно войти?! – громко говорю я, но в ответ слышу лишь тишину.

– Кто-нибудь есть?! – опять спрашиваю я и вхожу в прихожую.

В коридоре на стене горит яркая неоновая лампа. Бежевые обои аккуратно поклеены, а потолок безупречно белый, как будто только что сделали ремонт. Замечаю, как на кухне

блестит белый кафель, а на полу лежит совершенно новый линолеум. Обе полированные двери в комнаты закрыты, и я берусь за ручку одной из них, той что справа от меня. Я приоткрываю её и заглядываю в комнату.

– Можно войти?!

Посреди комнаты стоит огромное кресло, в котором неподвижно сидит мужчина лет пятидесяти в зелёной майке и смотрит прямо перед собой. Перед ним стоит журнальный столик, на котором стоит почти пустая бутылка водки и стакан, а сбоку от него, прислонённое к креслу прикладом вниз, стоит двуствольное охотничье ружьё. Я успеваю заметить на плече татуировку, «ВДВ, Афганистан 1984-1986» и вижу, как мужчина начинает медленно поворачивать голову в мою сторону.

Но меня уже нет в квартире. Я сбегаю вниз, перепрыгивая через две ступеньки, начисто забыв про лифт. Кто знает, что на уме у этого убитого горем человека и что он сейчас может сделать. Я конечно хочу помочь каждому, но в данном случае рисковать жизнью не готова.

Я выскакиваю из подъезда и нос к носу сталкиваюсь с капитаном полиции. Я резко останавливаюсь, пытаясь отдышаться, а он удивлённо смотрит на меня.

– Вы в девятнадцатую квартиру идёте? – спрашиваю я, переведя дух.

– Да, – отвечает он. – А вы кто? Родственница?

– Нет. Я сотрудник социальной службы.

– Понятно, – сразу говорит он. – Ну, пойдёмте.

Он хочет пройти к подъезду мимо меня, но я хватаю его за рукав.

– Подождите. Там в квартире человек, наверное, сын умершей. Он пьяный и у него ружьё!

Он опять посмотрел на меня, а я на него. Я вижу, что участковый – человек уже в возрасте, и ему, наверное, около пятидесяти лет. В это время от полицейской машины, стоящей возле подъезда, подходит совсем молодой сержант.

– Какие проблемы, дамочка? – спрашивает он.

– Никаких проблем, Коля, – отвечает капитан. – По крайней мере, пока.

Он снимает фуражку и вытирает внутри неё носовым платком. Потом одевает фуражку на голову и кивает мне.

– Пойдёмте, посмотрим.

Мы заходим в подъезд и вызываем лифт, а сержант неуверенно идёт за нами.

– Так что случилось? – спрашивает он, как видно чувствуя недоброе.

– У него ружьё, Коля, – говорит участковый.

– Так давай ОМОН вызовем! – воскликнул сержант.

– У человека горе, – отвечает капитан. – Потом одумается – жалеть будет. Да и вообще… Ещё ничего не произошло.

– Ну ты даёшь, Михалыч! – опять восклицает сержант. – А если стрельнёт!

– Говори тише, Коля, – поморщился участковый. – И, на-

верное, пойдёмте-ка пешком.

Мы поднимаемся по заплёванной лестнице и останавливаемся перед последним пролётом возле пятого этажа.

– Значит так, – говорит капитан. – Я пойду один, а вы пока здесь подождите.

Он поднимается и заходит в квартиру, а мы с сержантом остаёмся вдвоём. Коля заметно нервничает. Он вдруг расстегнул кобуру и вытащил пистолет, но, посмотрев на меня, убирает оружие обратно. Мы молчим, но я скоро не выдерживаю и поднимаюсь на несколько ступенек наверх. Я пытаюсь услышать, что происходит в квартире, но оттуда доносится только голос участкового. Слов не разобрать, но по интонации понятно, что он кого-то уговаривает. Так проходит несколько минут, которые кажутся такими долгими.

Наконец капитан выходит из квартиры и спускается к нам.

– Ружьё он на коленях держит, – тихо произносит он. – Не хочет отдавать.

– Хватит дурить, Михалыч, – так же тихо говорит сержант. – Вызовем ОМОН – и дело с концом.

– Разговорчики! – вдруг повысил голос участковый. – Забыл с кем разговариваешь!?

– Виноват, товарищ капитан, – сразу успокоился Коля. – Вы, конечно старший и вам решать, но всё равно подумайте.

– Если ОМОН приедет – разбираться не будет, – проговорил участковый. – Произведут захват, и парень сядет на-

долго.

Он смотрит на меня и видит в моих глазах немой вопрос.

– Я этого парня знаю, – говорит он мне. – Лёшкой зовут. Мы в школе вместе учились, и родителей я его знал. Он сейчас в подавленном состоянии, и я дал ему пять минут, чтобы успокоиться. После этого попытаюсь опять с ним поговорить.

Капитан опять снимает фуражку и протирает её носовым платком. Внешне он выглядит спокойным, но я вижу, как дрожат его пальцы.

– Он правда служил в Афганистане? – спрашиваю я.

– Правда, – кивает участковый. – Инвалидом оттуда вернулся. Жалко если в тюрьму попадёт.

– Может быть я с ним поговорю? – опять спрашиваю его.

– Нет, милая. Ты подождёшь здесь.

– Сейчас уже скорая должна приехать, – говорю ему.

– Я знаю, – вздыхает капитан. – Ничего, разберёмся.

Проходит ещё немного времени и участковый смотрит на свои часы.

– Пора, – говорит он и идёт к двери квартиры.

В это время я понимаю, что читаю про себя молитву. Капитан заходит в квартиру, и мы с сержантом смотрим на закрывшуюся дверь. Я уже не могу этого терпеть и подхожу прямо к ней. За дверью ничего не слышно, я наклоняюсь вперёд и замираю. Сержант Коля тоже не шевелится, чтобы не шуметь, и на лестнице стоит такая тишина, что слышно, как

у кого-то в квартире сверху в ванной журчит вода.

– Ну что там? – вдруг спрашивает Коля.

Но я поднимаю вверх палец, призывая к тишине. Каждую секунду я ожидаю выстрела, но его всё нет, и нервы мои натянулись до предела.

И тут неожиданно раздаётся резкий звук. Мы с сержантом вздрагиваем, но в следующий момент понимаем, что это кто-то вызвал лифт. Мы с облегчением переглянулись, и я отхожу от двери, потому что из-за лифта всё равно ничего не слышно. Проходит ещё несколько секунд, и я думаю, что участковому пора уже появиться.

И тут лифт останавливается на нашем этаже. Открывается дверь и из него выходят женщина врач скорой помощи и медсестра. Они с удивлением смотрят на нас, не понимая в чём дело.

– Подождите минутку, доктор, – говорит сержант. – Туда пока нельзя.

– Что здесь происходит? – спрашивает врач.

И в это время открывается дверь квартиры и на площадке появляется участковый, который держит за ствол охотничье ружьё. Я сразу чувствую, как стало легче на сердце и вижу, что Коля тоже вздыхает с облегчением. Врач и медсестра изумлённо смотрят на ружьё.

– Всё в порядке, доктор, – говорит капитан, посторонившись. – Проходите, а я сейчас подойду.

Бригада скорой помощи проходит в квартиру, а участко-

вый подходит к сержанту и отдаёт ему ружьё.

– Оно не заряжено, – говорит участковый. – Отнеси в машину.

– Изъятие будем оформлять? – спрашивает Коля.

– Никаких протоколов, – машет головой капитан. – Полежит пока у меня, а завтра я ещё приду сюда. Поговорю с Алексеем, когда он успокоится и потом решу, что делать.

– Понял тебя, Михалыч, – кивает сержант и уходит вниз по лестнице.

– Как вас зовут, – неожиданно для себя вдруг спрашиваю я.

– Николай Михайлович.

– Николай Михайлович, так ружьё правда было не заряжено?

Он молчит и смотрит на меня грустными глазами. Потом снимает фуражку и достаёт из кармана носовой платок. И в этот момент из того же кармана на пол с тихим звуком падают два охотничьих патрона.

Часть третья. Похороны

С утра приезжаю к моргу и около него встречаюсь с клиенткой. Это совсем молодая девушка, младшая сестра умершей. Светлые волосы и печальный взгляд чёрных глаз. Я уже очень долго в этом бизнесе, но её взгляд столь пронзителен, и в нём столько горя, что мне становится не по себе. Её зовут Наташа, и я знаю о ней только то, что она недавно окончила университет.

– Что будем делать? – спрашивает она.

– Сейчас дождёмся директора морга и оформим документы, – отвечаю я.

Катафалк, заказанный мной, уже подъехал, но директора ещё нет. Подъехало ещё два катафалка, которые были за нами, и только после этого наконец во двор въезжает новенькая иномарка, из которой вылезла женщина средних лет в строгом брючном костюме. Это и есть директор морга. Фамилия у неё – Перова. Почему-то я не запомнила, как её зовут, запомнила только, что сотрудники морга называли её «Госпожа Перова».

Она прошла внутрь здания, и мы пошли за ней.

– Здравствуйте. Можно войти? – спрашиваю я, приоткрыв дверь в кабинет.

– Здравствуйте. Заходите, – отвечает директор.

Мы заходим в кабинет и садимся в кресла, стоящие перед столом директора. Я осмотрелась. В комнате ничего лишнего, кроме нескольких траурных венков, стоящих вдоль стены.

После нескольких дежурных вопросов Перова подвигает к себе толстую книгу, лежавшую на столе. Это прайс похоронных принадлежностей, и директор, открыв его, разворачивает к нам.

– Посмотрите, что мы можем вам предложить, – начинает она.

Но Наташа решительно отодвигает книгу от себя.

– Спасибо, у нас всё есть.

– Вы, пожалуйста, взгляните, – настаивает Перова. – Возможно, это обойдётся вам дешевле.

– Не надо, – сухо отвечает Наташа. – Мы всё привезли с собой. Давайте быстрее закончим с этим, а то мы очень торопимся.

Госпожа Перова при этих словах подозрительно косится на меня. Она конечно подозревает, что я ритуальный агент, хотя я сказала, что являюсь двоюродной сестрой умершей. Так получилось, что в этом морге я первый раз, и Перова до этого меня никогда не видела.

– Ну, хорошо, – пожимает плечами директриса и отодвигает книгу на край стола.

Она заполняет документы, что-то считает на калькуляторе и подвигает документы к нам. Наташа смотрит на сумму

оплаты и достаёт деньги.

– Вы знаете, тело умершей было скрючено, и санитарам пришлось его распрямлять, – произносит в этот момент Перова. – Это стоит ещё три тысячи. Но это деньги надо оплатить без квитанции.

Что за бред! Какое скрюченное тело? Директор в открытую вымогает деньги. Она, видя, что клиент не хочет пользоваться дополнительными услугами морга, решила получить с Наташи хоть что-нибудь. Удивительная наглость!

Но моя клиентка невозмутимо пересчитывает купюры и кладёт их на стол. Наташа, конечно, всё понимает, но не хочет скандалить, как и все нормальные люди в такой ситуации, а сотрудники моргов постоянно этим пользуются.

Наташа расписывается в бумагах, мы встаём и молча выходим из кабинета.

***

На кладбище моросил мелкий противный дождь, как будто плача по умершему человеку. Сейчас хоронили молодую женщину, и мне было её особенно жалко. Даже сейчас, лёжа в гробу, она была очень красива, и я пытаюсь представить, какой же красивой она была при жизни.

Родственники стояли под зонтами тесной группой. У всех были скорбные лица, и все они молча смотрели, как рабочие зарывали гроб в землю. Потом все положили цветы на свежий холмик и начали расходиться. Последними от могилы отошли мама и муж покойной. Я уже получила деньги и мог-

ла бы давно уехать, но я всегда дожидаюсь конца похорон. Что поделаешь – работа есть работа.

Мама и муж усопшей подошли ко мне и ещё раз поблагодарили за организацию похорон, а я ещё раз выразила им свои соболезнования. Они пригласили меня на поминки, но я вежливо отказалась. Когда тебя просят поехать на поминки, это означает, что люди остались довольны твоей работой и у них нет к тебе никаких претензий. Я иногда остаюсь, но сегодня у меня ещё были дела.

Потом подошла Наташа, и мы немножко поговорили. Она меня поблагодарила и тоже направилась к выходу с кладбища.

Все разошлись, и я осталась одна возле свежей могилы. Что-то задержало меня здесь, не давая уйти, и я подошла поближе, чтобы ещё раз посмотреть на фотографию.

Доброе красивое лицо, длинные чёрные волосы, спадающие на плечи, и задумчивая улыбка. Ещё бы жить и жить, но судьба распорядилась иначе. Тяжёлая болезнь сожгла её за несколько месяцев, и у друзей, родственников и знакомых остались о ней только воспоминания. И ещё этот могильный холмик.

И вдруг я вижу, как передо мной на дорожке останавливается шикарный лимузин. Водитель вышел из машины, раскрыл зонт и открыл заднюю дверцу, из которой вылез мужчина в строгом чёрном костюме с огромным букетом роз и пошёл в мою сторону. Он остановился прямо около меня и

положил букет на могилу.

– Иди, Коля, – сказал он шофёру, который держал над ним зонт. – Я немного здесь постою.

– Так ведь дождь, Фёдор Валентинович…, – растерянно проговорил тот.

– Ничего, Коля, – сказал мужчина. – Иди, посиди в машине.

Водитель сложил зонт и пошёл назад к лимузину, а Фёдор Валентинович замер, глядя на фотографию на деревянном кресте.

– Вы её родственница? – спросил он, глядя на могилу.

– Нет, – ответила я. – Я ритуальный агент.

– Значит, это вы занимались её похоронами?

– Да.

– Елена при жизни была очень добрым человеком, – продолжал он, не глядя на меня. – Жаль, что вы её не знали.

– Жаль, – соглашаюсь я.

– Я уговаривал её бросить мужа и выйти за меня, но она долго не хотела этого делать. Жалела его, – Фёдор Валентинович наконец-то повернул голову и посмотрел на меня. – Жалкий ничтожный человек, живущий за её счёт! Он всегда был рядом с ней и даже не замечал, как она страдает.

Он замолчал. Молчала и я, не зная, что ему ответить.

– Недавно она всё-таки согласилась развестись, – опять заговорил он. – Но в тот же день сказала мне, что неизлечимо больна. Я нашёл хороших врачей, устроил её в клинику, но

было уже поздно. Все врачи в один голос сказали, что время упущено. Почему она не сказала мне раньше!?

Мужчина вдруг схватился руками за лицо и горько заплакал. Я изумлённо смотрю на то, как как он рыдает, и не могу произнести ни слова. Через минуту он успокаивается и вытирает носовым платком слёзы с лица.

– Извините, – произносит он. – Минутная слабость.

– Я понимаю.

Он лезет в карман.

– Вот, возьмите, – Фёдор Валентинович суёт мне в руки пухлый пакет. – Закажите ей ограду и памятник. Остальные возьмёте себе.

– Может быть, вы сами выберете памятник, – говорю я, беря пакет.

– Я не сторонник огромных монументов, – отвечает он. – Поставьте скромный обелиск на ваш вкус и маленький столик со скамейкой. Когда я буду сюда приезжать, то хотел бы посидеть и побыть с ней наедине.

– Я вас поняла, – киваю я.

– И спасибо вам большое, – произносит он, достаёт из кармана визитку и даёт мне. – Позвоните, когда всё будет готово.

Он поворачивается и направляется к своей машине, и я опять остаюсь одна. Когда машина уехала, я открываю пакет и вижу, что там лежат пачки денег. Даже с первого взгляда видно, что после заказа памятника, столика и ограды оста-

нется большая сумма. И это будет моё вознаграждение.

Как относиться к этим деньгам? Может быть, кто-то скажет, что я наживаюсь на людском горе, но я так не думаю. Это моя работа, и эти деньги я отработала полностью. Тем более, что перед этим я целый месяц не имела ни копейки, а мне же надо на что-то жить.

Я кладу пакет с деньгами в сумочку, ещё раз оборачиваюсь на могилу, вздыхаю и иду к выходу с кладбища.

Часть четвёртая. Старушка

С утра было два вызова, но оба впустую. Я опоздала, и на адресах уже ждали конкуренты. Что-то мне подсказывает, что день пройдёт напрасно и заказов сегодня больше не будет. Но я не расстраивалась, поскольку всегда знала, что если сегодня работы нет, то завтра её будет в два раза больше. Все люди когда-нибудь заканчивают свой жизненный путь, как это ни прискорбно. Это неизбежная реальность, и поэтому без работы я не останусь.

Время близилось к полудню, и я решила пообедать. Остановив машину около небольшого кафе, я вошла внутрь заведения. Окинув небольшой зал взглядом, чтобы решить, куда мне присесть, я вдруг увидела за крайним столиком около окна старейшего агента из нашей конторы дядю Мишу, который в этот момент, не обращая ни на что внимания, с аппетитом поглощал макароны. Конечно, я тут-же подошла к нему.

– Здравствуйте, дядя Миша, – поздоровалась я. – Можно присесть?

– А, Ульяночка! – воскликнул он, посмотрев на меня и отодвинув от себя уже пустую тарелку. – Конечно, садись скорее.

Я устроилась на соседнем стуле, и ко мне сразу подошёл официант. Он принял заказ и отошёл, а дядя Миша, взяв в

руку чашку кофе, повернулся в мою сторону.

– Ну? – спросил он. – Как у тебя дела?

– Было сегодня два адреса, но я не успела.

– Кто? Полиция?

– Городская служба.

– Понятно, – дядя Миша кивнул. – Гребут всё под себя, давят мелкий бизнес. Реклама по телевизору и в интернете. Напирают на то, что они якобы государственное предприятие, а цены дороже, чем у нас, в полтора раза.

– Это людям сразу не объяснишь, – я вздохнула. – Никто же не знает, что государственного у нас давно уже ничего нет.

– Да, – он опять кивнул головой. – Времена пошли тяжёлые. Раньше, помню, по два, по три заказа в день принимал. А то и больше! И все до конца доводил. И всегда мне люди потом «спасибо» говорили.

У дяди Миши были особые методы работы. Небольшого роста, в поношенном костюме и с седыми всклокоченными волосами, он никогда не имел своей машины и всегда передвигался только на общественном транспорте. Поэтому, когда дядя Миша приезжал на вызов, то почти всегда там уже был агент из другого похоронного бюро.

Но дядя Миша не торопился сразу уезжать. Он узнавал, на какой машине приехал конкурент, и чем она была дороже, тем для него было лучше. Потом дядя Миша подсаживался к каким-нибудь бабушкам на скамейке и заводил с ними бе-

седу. Он жаловался им на тяжёлую жизнь, выслушивал их жалобы и в какой-то момент ненавязчиво переходил к цели своего визита.

– О, Господи! – сразу восклицала одна бабушка. – Это из двенадцатой квартиры женщина! Так я её знаю!

– Я приехал по вызову, но там уже другой агент, – с сожалением говорил дядя Миша. – Вон его машина стоит. Дорогая. И цены у него, наверное, тоже дорогие.

– Это точно, – кивала бабушка. – Похоронить человека сейчас очень дорого. Лучше вообще не умирать.

– Вот и я говорю, – поддакивал дядя Миша. – Только у меня цены дешёвые остались, а остальные дерут безбожно.

– Подожди-ка, касатик. Посиди-ка здесь.

С этими словами бабушка срывалась с места и скрывалась в подъезде. Через пять минут оттуда выходил ритуальный агент с опущенной головой и, сев в свой роскошный джип, уезжал со двора. Потом из подъезда появлялась бабушка и махала дяде Мише рукой.

– Давай, касатик! – звала она. – Поднимайся! Тебя ждут.

Это срабатывало больше, чем в половине случаев. Правда, справедливости ради надо отметить, что цены у дяди Миши были действительно минимальные. У него существовала твёрдая такса, и он никогда не брал сверх того, что ему положено.

– Ладно, Ульяночка, – произнёс дядя Миша. – Не переживай. Умрёт когда-нибудь и на нашей улице банкир.

Я чуть не поперхнулась кофе от этой шутки. Все в агентстве знали, что у дяди Миши своеобразный юмор.

– Мне пора, – сказал он, отставив от себя чашку. – Ещё в морг надо успеть, а это на другом конце города.

– До свидания, – произнесла я.

Дядя Миша вышел из кафе, и в это время принесли мой заказ. Я быстро поела и вышла на улицу. И в это время зазвонил мобильный телефон.

– Записывай адрес, – раздался в трубке голос диспетчера.

– Я запомню, – ответила я.

Диспетчер быстро продиктовал мне координаты, после чего я села в машину и поехала на адрес.

Я приехала к обычной обшарпанной хрущёвской пятиэтажке. Выйдя из машины, я подошла к подъезду, и тут дверь передо мной отворилась и из неё вышел ритуальный агент из другой фирмы. Я его хорошо знала, поскольку мы с ним часто встречались.

– Привет, Ульяна! – радостно воскликнул он. – Как дела?

– Было хорошо, пока тебя не встретила, – ответила я.

Со всеми конкурентами у меня были натянутые отношения.

– Ну-ну, – усмехнулся он. – Я бы, конечно, поболтал с тобой, но надо бежать, деньги зарабатывать. А ты иди, бюджетница.

С этими словами он прошмыгнул мимо меня, насвистывая весёлый мотивчик.

Я посмотрела ему вслед. Намёк про бюджетницу мне не очень понравился, к тому же этот агент вряд ли сам покинул бы квартиру, если бы там можно было заработать денег. Но я никогда не останавливалась на полпути – это мой принцип. Поэтому я не задумываясь шагнула в подъезд.

Поднявшись по грязной лестнице на пятый этаж (никакого лифта здесь естественно не было), я подошла к облезлой двери и нажала на кнопку звонка.

– Кто!? – спросили из-за двери.

– Это из социальной службы, – ответила я. – Меня зовут Ульяна Синицына. Вот мои документы.

С этими словами я подняла своё удостоверение на уровне глазка. После этого зазвенели ключи, и дверь отворилась.

На пороге стояла древняя бабушка в чёрном платке. Морщинистое лицо было повёрнуто ко мне, а в глазах читался немой вопрос.

– Примите мои соболезнования, – произнесла я. – Я направлена от социальной службы Москвы, чтобы минимизировать ваши расходы и защитить от мошенников.

– Так был же только что от вас человек, – проскрипела старушка. – Сказал, что мне положена компенсация, и сразу ушёл.

– Это и был мошенник, – говорю я. – Он понял, что денег он у вас не заработает, поэтому и ушёл. Я же бесплатно расскажу, как надо действовать, помогу вам в организации

похорон и помогу оформить все документы. Можно войти?

– Входите, – старушка вздохнула и посторонилась, давая мне пройти.

Я вошла, и сразу мне в нос ударил неприятный запах. Одев медицинскую маску и бахилы, я прошла через коридор в комнату и огляделась.

Квартира была жутко захламлена. Около стен с разодранными обоями лежали кучи мусора. На окнах с грязными, почти непрозрачными стёклами, висели шторы, по которым нельзя было понять, какого они изначально были цвета. Запах был такой, что даже маска не спасала, и я намазала ноздри «звёздочкой». Ещё я заметила множество икон и крестов в разных местах и поняла, что здесь живут очень верующие люди. На кровати с давно не стиранными простынями лежал усопший. Лет восемьдесят пять – девяносто, смерть наступила недавно, сразу определила я. С первого взгляда было понятно, что денег тут нет, но как я уже говорила, я никогда не бросала заказ.

Такие случаи со мной происходили раз от разу. Вот, например, за месяц до этого я занималась похоронами ветерана войны. Он жил вдвоём с внуком, наркоманом. Соседи сказали, что они не видели внука уже неделю, возможно, он даже не знал, что его дедушка умер. Дедушка как ветеран имел право на бесплатные похороны, но документов никаких не было, и я три дня ездила по всяким учреждениям, чтобы их восстановить. Не было даже орденов и медалей, наверное,

внук давно отнёс их в скупку. Тогда я не заработала ни копейки, но всё равно была довольна, что мне удалось организовать этому человеку достойные похороны.

– Как вас зовут? – спросила я.

– Мария Степановна, – ответила старушка.

– Мария Степановна, ещё раз примите мои соболезнования, – произнесла я. – Давайте присядем, и я расскажу вам, что надо делать.

Мы сели за круглый деревянный стол, и я открыла свою сумку. Бабушка держалась бодро, и по ней не было видно, что она очень горевала. Может быть она давно была к этому готова и уже заранее оплакала своего мужа. По своему опыту я знала, что такое бывает.

– Скажите, скорая уже была?

– И скорая и участковый, – ответила она.

– Они оставили какие-нибудь документы?

– Да, конечно, – Мария Степановна положила передо мной исписанный розовый листок.

– Мария Степановна, я за вас соберу все документы, – говорю я. – Если у вас денег нет, то вы имеете право на минимальную выплату из городского бюджета. Этого хватит на самые дешёвые похороны.

– Почему это нет? – вдруг встрепенулась старушка. – Деньги у меня есть.

– Да, откуда?! – вырвалось у меня.

– Не сомневайся, девонька, – сказала она. – Есть деньги,

есть.

С этими словами она подошла к старому двустворчатому шкафу, открыла его и вытащила оттуда большой целлофановый пакет. Она передала его мне, и я его тут же открыла. В следующий момент я застыла от удивления.

Пакет был до верху набит пятитысячными купюрами. Я не знаю, сколько там было денег, но весил он несколько килограмм. Этого хватит на роскошные похороны, на памятник и ещё столько же останется.

– Откуда?! – в изумлении спросила я.

– Это пенсия, – ответила старушка. – Мы с дедом её сюда складывали.

– На что-же вы жили.

– Э, девонька, – произнесла она. – Деньги – от Дьявола. Поэтому мы к ним не прикасались. А жили на то что нам добрые люди подают. Ну и на помоичке что-то найти можно.

Я ошарашенно смотрела на неё и несколько секунд не могла прийти в себя.

– Не смотри на меня так девонька, – усмехнулась старушка. – Бери сколько надо и похорони моего деда как положено.

Рассказы

Экзорцист и демон-некромант

(рассказ, не вошедший в книгу «Экзорцист и Принц Тьмы»)

Сергей выскочил из дверей института, в котором он учился на втором курсе, и быстро пошёл в сторону бульвара. Последнюю пару неожиданно отменили по причине болезни преподавателя, и у Сергея образовалось свободное время. Он решил сначала отправиться домой, по пути подумав, чем ему заняться. Автобуса ждать было лень, и Сергей быстрым шагом пошёл по асфальтовой дорожке в сторону дома, благо жил он совсем недалеко.

Погода стояла прекрасная, и у парня было приподнятое настроение. Светило яркое солнце, было очень тепло, как будто сентябрь в этом году являлся продолжением августа. Сергей всю дорогу пробежал почти бегом и уже видел свой дом.

Вдруг молодой человек обратил внимание на высокого сухощавого старика лет семидесяти в старомодной кепке и чёрном плаще, который шёл ему навстречу. Сергей наморщил лоб, вспоминая, где он его видел, и тут же вспомнил, что это был дедушка его знакомого Игоря. Месяца два назад

Сергей был у него на дне рождения и там познакомился с его дедом, которого звали Иван Семёнович.

Сергей решил подойти и поздороваться. Он приблизился к старику и встал перед ним.

– Здравствуйте, Иван Семёнович! – весело воскликнул он. – Вы меня не узнаёте!? Я – Сергей. Мы познакомились на дне рождения вашего внука.

Старик остановился и взглянул на него, при этом Сергей обратил внимания, что тот был очень бледен.

– Не помню, – ответил Иван Семёнович. – Дайте пройти.

Молодой человек заметил, что при разговоре у старика почти не шевелились губы. И он очень удивился, когда Иван Семёнович, больше не говоря не слова, отвернулся и прошёл мимо.

Сергей изумлённо посмотрел ему вслед, пожал плечами и пошёл своей дорогой. Было очень странно, потому что на дне рождения Иван Семёнович казался очень общительным человеком, постоянно шутил и рассказывал анекдоты. Сейчас Сергею даже стало немножко обидно, но он решил сейчас об этом не задумываться и продолжил свой путь.

«Странные эти старики», – лишь подумал он, поворачивая к своему дому.

Сергей подошёл к подъезду и к своему удивлению вдруг увидел, что на лавочке сидит Игорь с какой-то девушкой.

– Привет, Серёга, – сказал он. – Познакомься, это моя новая девушка. Зовут её Марина.

– Давно не виделись, – ответил Сергей. – Только что про тебя вспоминал.

– На предмет? – спросил Игорь, и они с Мариной заулыбались.

– Видел сейчас твоего деда, Ивана Семёновича.

У Игоря с лица тут же пропала улыбка, как и у Марины, и они как-то странно переглянулись.

– Мне показалось, что он меня не узнал, – продолжал Сергей, ничего не заметив.

– О чём ты говоришь, Серёга, – проговорил Игорь, выкатив глаза. – Дед месяц назад как умер.

***

Матвея позвали к мужчине, в которого вселился демон, уже поздним вечером. Ему позвонил отец Сергий, и экзорцист тут же собрался и поехал на адрес. Хорошо, что это было недалеко от его дома, всего две остановки на метро.

Демон был слабеньким, и Матвей управился с ним всего за сорок минут. Две молитвы и несколько капель святой воды сделали своё дело.

Обряд закончился, и мужчина, лёжа на кровати, сейчас смотрел на экзорциста осмысленным взглядом. С его лба стекали крупные капли пота, но он уже приходил в себя.

– Как вы себя чувствуете? – спросил Матвей.

– Бывало и лучше, – ответил мужчина.

– Это пройдёт, – успокоил его экзорцист. – Сейчас вам надо поспать. Я скажу вашей жене, чтобы дала вам успоко-

ительное.

С этими словами он встал со стула.

– Не пойму, как это со мной могло произойти, – произнёс лежащий на кровати мужчина. – Почти ничего не помню.

– Это бывает, – промолвил Матвей. – Это цепляется, как зараза. Вы же не крещёный? Покреститесь. И всегда носите на теле серебряный крестик.

– Почему серебряный?

– Серебро отпугивает демонов, – произнёс экзорцист и вышел из комнаты.

На кухне сидели жена мужчины из которого Матвей только что изгнал злого духа и отец Сергий.

– Как всё прошло? – спросил батюшка.

– Как всегда, стандартно, – ответил Матвей. – Средней силы бес со слабым магическим фоном. Я даже сопротивления не почувствовал.

Матвей одел пальто, и тут женщина подошла к нему. В этот момент экзорцист вдруг понял, что даже не знает, как её зовут.

– Спасибо, – сказала она. – Мы вам что-нибудь должны.

– Простите, как вас зовут? – спросил её Матвей.

– Ольга, – ответила она.

– Так вот, Ольга, – произнёс экзорцист, – с вас я денег не возьму.

– Но…

– И давайте не будем спорить.

Матвей иногда брал плату за свои услуги, ведь ему надо было на что-то жить. Но придя в эту квартиру и увидев здесь убогую обстановку, он понял, что люди живут здесь не богато, поэтому решил денег с них не брать.

Ольга растерялась, и это было видно по её лицу. Она отвела глаза и вдруг быстро вышла с кухни. Экзорцист проводил её глазами и повернулся к отцу Сергию.

– Она очень волнуется, – сказал батюшка.

– Я знаю, – ответил Матвей.

Он взял свой саквояж с реликвиями, с помощью которых он изгонял из людей демонов, и направился к двери.

Вдруг в прихожую снова вышла Ольга.

– Вы забыли, – произнесла она, протягивая небольшую бутылочку со святой водой.

Экзорцист вспомнил, что оставил её на столике в комнате, и взял бутылочку в руку.

– Спасибо, – сказал он.

– Это вам ещё раз спасибо, – ответила женщина.

Матвей повертел бутылочку в руках, но саквояж в коридоре открывать было неудобно, и он просто положил её в карман. Потом попрощался и вышел из квартиры.

Метро находилось недалеко, и Матвей дошёл до него всего за пять минут. Было уже поздно и, спустившись в вестибюль, он увидел, что там практически никого нет. Рабочий день закончился несколько часов назад, и все люди уже давно были дома. Но когда подошёл поезд и экзорцист вошёл

в вагон, то он с удивлением заметил, что все сидячие места были заняты.

Люди сидели, согнувшись и казалось, что все они спали. Никто не копался в своих телефонах, как это обычно бывало, и даже не читали книг или газет. Это бросалось в глаза и было подозрительно, и Матвей сначала удивился, но потом решил не обращать на это внимания. Он пожал плечами и, взявшись за поручень, отвернулся к окну. Двери закрылись, и поезд мягко тронулся.

– Экзорцист, я давно тебя жду, – вдруг послышался шипящий голос прямо у уха.

Матвей резко оглянулся, но никого не увидел. Он только почувствовал, как ему в лицо подул холодный воздух, и послышался звук, похожий на хлопанье крыльев.

– Ты кто такой? – спокойно спросил человек.

– Я демон, способный оживлять умерших, – опять зашипело из ниоткуда. – Я специально пришёл в ваш Мир, чтобы посмотреть на тебя и передать приветы от твоих «друзей».

– Не помню, чтобы среди нечистой силы у меня были друзья, – усмехнулся Матвей.

– Ну как же, экзорцист? – удивился голос. – Многих демонов ты отправил в преисподнюю, и все они хорошо помнят тебя и хотят встречи. Они очень обрадуются, когда я заберу тебя в Ад.

– А это у тебя получится? – улыбнулся человек.

– Посмотри на этих людей, экзорцист, – прошипел некромант. – Это – ожившие мертвецы. Я знаю, что ты очень силён, но их слишком много, и даже ты не сможешь с ними справиться.

Матвей окинул взглядом вагон и увидел, что фигуры, сидевшие на сидениях, начали шевелиться.

– Тогда у меня к тебе ещё один вопрос, – произнёс экзорцист. – Твой шеф знает, что ты здесь? Я слышал, что Сатана бывает очень недоволен, когда демоны без его разрешения сбегают на Землю.

– У Люцифера очень много неотложных дел, – сказал голос. – Поэтому я решил не отвлекать его такой ерундой.

– А почему я тебя не вижу, некромант? Покажись, я хочу на тебя посмотреть.

– Всему своё время, экзорцист. Ты увидишь меня в свою последнюю секунду.

Тут свет в вагоне начал меркнуть, а зомби медленно поднялись на ноги и повернулись в сторону Матвея.

– Но мы заболтались! – громко зашипел демон. – Пора в дорогу, человек!

Свет почти полностью погас, а за окном начали сверкать всполохи, как будто от грозы, и в этих вспышках экзорцист увидел, что мертвецы двинулись в его сторону. Они вытянули вперёд руки, а глаза их загорелись ярким холодным светом. Матвей схватился за свой саквояж, где лежало большое серебряное распятие и томик Библии, но неведомая си-

ла вдруг вырвала его из рук и швырнула в дальний конец вагона.

– Теперь ты полностью беззащитен, экзорцист, – радостно зашипел некромант. – Добро пожаловать в преисподнюю.

Мертвецы обступили Матвея. Они тянули к нему свои руки со скрюченными пальцами, и экзорцист слышал их глухое ворчание. Положение было угрожающим, но в этот момент он вдруг вспомнил о святой воде, лежащей у него в кармане.

Матвей выдернул из кармана бутылочку и сорвал пробку. Он вытянул вперёд руки, и мертвецы, почувствовав святую воду, отпрянули назад.

– Ты ещё сопротивляешься!? – взвыл демон.

Но экзорцист его уже не слушал. Он начал читать шёпотом молитву, изгоняющую злого духа, и почувствовал внутри себя зарождающуюся святую энергию.

Мертвецы опять рванулись на него, но Матвей уже вошёл в транс. Все его чувства ушли на второй план, а энергетическое поле внутри него достигло такой силы, что экзорцист еле его сдерживал. Он начал читать на арамейском языке самую сильную молитву и сразу направил энергетический поток на ближайшего к нему зомби. Несколько мертвецов, стоящих рядом, вдруг затряслись и взорвались, рассыпавшись по полу яркими искрами.

– Невероятно! – вскричал некромант. – Как у тебя это получилось!?

Зомби громко заревели. Они стояли вокруг, но не в си-

лах были преодолеть защитное поле, созданное экзорцистом. Кривые когти мелькали прямо перед его лицом, но пока не могли его достать. Матвей знал, что если кто-нибудь из мертвецов дотронется до него, то он сам может превратиться в зомби. Весь его организм достиг наивысшей точки напряжения, по спине тёк холодный пот, а перед глазами поползли разноцветные круги. Бес-некромант был где-то совсем рядом, потому что экзорцист чувствовал кожей лица могильный холод, исходящий от него.

Но Матвей не обращал на это внимания. Он не прекращал читать молитву, и мертвецы один за одним начали взрываться и осыпаться на пол.

– Жалкий смертный!!! – в отчаянии заорал демон.

Экзорцист услышал за спиной громкое хлопанье крыльев и резко обернулся. Он махнул рукой и почувствовал, что прикоснулся к чему-то холодному и скользкому. Матвей тут же сжал кулак и понял, что в его руке зажато какое-то узкое липкое тело.

– Отпусти, экзорцист!!! – раздался страшный визг, от которого у Матвея заложило уши.

И в этот момент он увидел, что перед ним в воздухе начало проявляться отвратительное существо. Голова была похожа на голову летучей мыши, перепончатые крылья с силой колотили воздух, а узкое чешуйчатое тело и многочисленные щупальца обвили руку Матвея. Бес извивался и бился изо всех сил, но экзорцист только сильнее сжимал свою руку.

– Убирайся к себе домой в Ад, чудовище, – сказал он и, подняв бутылку со святой водой, вылил её содержимое на демона.

Опять раздался истошный визг, и тело некроманта вспыхнуло ярким белым пламенем. Матвей швырнул его себе под ноги, и оно сразу развалилось на части. Ещё некоторое время щупальца в агонии извивались на полу, а потом всё исчезло.

– Мы ещё встретимся, – раздался яростный шёпот, и всё наконец стихло.

Тут же зажегся свет, и экзорцист оглянулся на пустой вагон. Он был абсолютно пуст, и ничего не говорило о том, что ещё минуту назад здесь находились ужасные монстры.

– Станция «Войковская», – произнёс женский голос, и двери открылись.

Матвей прошёл в дальний конец, поднял свой саквояж, ещё раз оглянулся и спокойно вышел из вагона.

Выстрел, которого не было

Так было:

Петроград,

24-е октября 1917-ого года.

Поручик Левицкий командовал патрулём юнкеров, который стоял на Литейном мосту. Дул промозглый холодный ветер, и улицы были пустынны, но в десять часов вечера, когда уже совсем стемнело, через мост прошли два человека. Поручик поднял руку, и они остановились.

– Документы! – рявкнул Левицкий, и оба мужчин полезли в карманы.

– Эйно Рахьи, – произнёс поручик, глядя в паспорт одного из них.

– Точно так, – подтвердил высокий сухощавый человек.

– Понятно, – сказал поручик, открывая второй паспорт. – Константин Петрович Иванов.

– Это я, – произнёс второй человек, который был намного ниже своего приятеля.

– Скажите, Константин Петрович, где вы работаете? – неожиданно спросил Левицкий.

– Я рабочий Путиловского завода.

Поручик услышал, что человек картавил и не выговаривал букву «р».

– Что-то вы не очень похожи на рабочего, – с сомнением

произнёс он.

– Внешность бывает обманчива, – ответил тот.

– Возможно, – согласился поручик, возвращая паспорта.

– Мы можем идти? – спросил высокий.

– Будьте осторожны, – сказал Левицкий. – В городе стреляют.

– Спасибо, – поблагодарил Иванов.

И оба развернулись и пошли прочь.

– Господин поручик, – сказал один из юнкеров, подойдя к нему, – я узнал этого человека.

– Да? – удивился Левицкий. – И кто же это?

– Ленин! – выдохнул юнкер.

Поручик обернулся и увидел, что люди уже скрылись за поворотом. Догонять их в такую погоду не было никакого желания.

– Ладно, – произнёс Левицкий. – Дальше полно патрулей, и кто-нибудь из них всё равно их задержит.

***

Так могло бы быть:

– Господин поручик, – сказал один из юнкеров, – я узнал этого человека.

– Да? – удивился Левицкий. – И кто же это?

– Ленин! – выдохнул юнкер.

Поручик обернулся и увидел, что люди уже скрылись за поворотом. Догонять их в такую погоду не было никакого желания, но офицер уже принял решение.

– Соколов и Терентьев – за мной, остальные – на месте! – крикнул он и рванулся вперёд.

Они втроём быстро добежали до поворота, и Левицкий увидел две фигуры в конце переулка.

– Стой! Стрелять буду! – крикнул поручик, расстёгивая кобуру.

Но люди вместо того, чтобы остановиться, бросились бежать. Левицкий с юнкерами побежали за ними и скоро начали их догонять, как вдруг тот, что был повыше ростом, бросился на них. Он расставил в стороны руки, пытаясь их задержать, но юнкер, бежавший слева от Левицкого, сбил его с ног ударом приклада.

– Стой! Стреляю! – опять крикнул Левицкий.

Но второй человек не останавливался, а вместо этого побежал зигзагами, петляя, как заяц. Тогда поручик встал, расставил ноги, тщательно, как в тире, прицелился и нажал на курок.

Грянул сухой выстрел, и бегущий человек споткнулся и упал. Левицкий с юнкерами подбежали к мужчине, который не шевелясь лежал на мостовой лицом вниз. Поручик склонился над ним и сразу увидел, что из-под лежащего тела растекается лужа крови. Левицкий перевернул его на спину и пощупал пульс, после чего понял, что человек, в которого он стрелял, был уже мёртв.

– Это точно Ленин, – сказал юнкер Терентьев. – Что же теперь будет, господин поручик?

– Что должно быть, то и будет, – ответил Левицкий.

***

Весть о смерти Ленина с утра облетела весь Петроград. В Смольном 25-ого октября должен был начаться II-ой Всероссийский съезд Советов, на котором все ожидали принятия решения о вооружённом выступлении, но он так и не начался. Депутаты отказывались верить в страшную новость, но Ленина не было, и все начали нервничать. И только к полудню в Смольном появился железнодорожный слесарь финн Эйно Рахьи, которому в ту ночь всё-таки удалось уйти от юнкеров. Он и подтвердил смерть Вождя.

Депутаты были в растерянности. Хотя все лидеры революционных партий на словах всегда выражали готовность к решительным действиям и даже к вооружённому мятежу, но сейчас, когда не было рядом Ленина, они растерялись. Каждая фракция заперлась в отдельном зале для заседаний, и эти заседания продолжались три дня. Время для восстания было безвозвратно упущено.

Новость о смерти Ленина быстро достигла Могилёва, где под арестом находился мятежный генерал Лавр Георгиевич Корнилов. Узнав об этом, солдаты и офицеры полка, охранявшие генерала, тут же освободили его. Генерал сразу объявил о втором походе на Петроград, и к нему примкнули все те, кто остался верен присяге. Отряд Корнилова двинулся к столице, по пути разрастаясь, как снежный ком.

В это время в Петрограде начался мятеж юнкеров под ру-

ководством главнокомандующего Петроградским военным округом полковника Георгия Петровича Полковникова, который и разработал план выступления. Юнкера, пользуясь неразберихой в командовании Красной гвардией, заняли ключевые объекты в городе и блокировали Смольный. Такая ситуация возникла из-за того, что рабочим отрядам приходили противоречивые приказы от разных фракций, и они не знали, кому подчиняться. Только Льву Троцкому удалось объединить несколько красногвардейских отрядов, и они с большим трудом отбросили юнкеров от Смольного, но ненадолго.

Генерал Корнилов приказал повесить зачинщиков забастовки на железной дороге, ведущей к Петербургу, и стачки сразу же прекратились. На нескольких эшелонах отряд генерала быстро преодолел семьсот километров, отделявших Могилёв от Петрограда. К моменту прибытия в столицу войска Корнилова имели численность примерно равную двум дивизиям, в составе которых находилось два полноценных офицерских полка.

Красные отряды не смогли противостоять регулярным частям. Они сопротивлялись, как могли, но силы были явно неравные. Советы, засевшие в Смольном, видя это, сразу разбежались, оставив красногвардейцев на произвол судьбы. Корнилов приказал не брать пленных, и мостовые города окрасились кровью вчерашних рабочих, солдат и матросов, воевавших в рядах Красной гвардии. Повторилась ситуация

1905-ого года, и генерал взял Петербург за два дня.

Тут же, не теряя времени, генерал во главе большого отряда офицеров выехал в Царское Село, где под арестом находилась семья Николая II. Царя освободили из-под стражи, привезли на следующий день в Петроград и поселили в Зимнем дворце. Кроме того, пошли слухи о жестокости Корнилова, и стачки на железных дорогах, ведущих к Питеру, моментально закончились. Составы с продовольствием, стоящие на дальних перегонах, достигли города. В лабазах появился хлеб, и рабочие на заводах, выполнявших в том числе военные заказы, перестали бастовать.

В это же время на фронте началось германское наступление. Французы, напуганные им, послали в ставку русских войск телеграмму с просьбой о помощи. Они предлагали крупную безвозмездную финансовую помощь, а также льготную поставку оружия, если русские войска начнут наступление. Николай II, узнав об этом, вышел из эйфории и начал принимать адекватные решения. Помощь из Франции была получена очень быстро, и это позволило провести ещё одну мобилизацию. Под ружьё было поставлено ещё более миллиона человек, которые направились на фронт. Пользуясь подавляющим превосходством в живой силе, русская армия начала наступление.

Русские войска смяли германский фронт и рванулись в глубь Европы. В короткий срок они достигли Берлина и осадили его. Через три дня немецкая столица пала, и в сражении

за неё погиб тогда ещё никому неизвестный ефрейтор 16-ого пехотного Баварского полка Адольф Гитлер. После этого русские пошли дальше и остановились только у границы Франции. Первая Мировая война закончилась полной победой русского оружия.

Двуглавый орёл распростёр над Европой свои мощные крылья.

Памятник

Парень, который рассказал мне эту историю, утверждал, что это чистая правда. Но я не могу за это поручиться.

Вождь ехал в гости к своему другу и соратнику Лаврентию Берии, который сегодня справлял свой день рождения. Горная дорога петляла высоко над морем, и из окна лимузина открывался изумительный вид на водную гладь. Сталин был один в машине, если не считать водителя, и никто не мешал ему наслаждаться дивным пейзажем. Он смотрел в окно, о чём-то задумавшись и слегка прищурив глаза.

Скорость вытянувшегося метров на сто кортежа была небольшой. Дорога была узкой, и, кроме того, почти все повороты были довольно крутыми. Поэтому Вождь имел возможность хорошо рассматривать всё, мимо чего проезжал. И он, конечно, очень хорошо разглядел памятник, который стоял на одном из поворотов дороги на широком плато, когда вереница машин проезжала мимо.

Иосиф Виссарионович нахмурился. Он какое-то время смотрел в окно, сдвинув брови, как будто о чём-то вспоминая, а потом выпрямился в кресле и наклонился вперёд.

– Володя, разворачиваемся, – сказал он водителю. – Возвращаемся к памятнику, который только что проехали.

– Понял! – сказал шофёр, и машина плавно остановилась.

На узкой дороге большой колонне машин разворачивать-

ся было неудобно, но все водители были профессионалами высшего класса. Поэтому кортеж уже через несколько секунд ехал в другую сторону. А ещё через минуту сталинский лимузин затормозил прямо у подножия монумента, и Вождь сразу вышел из машины.

Памятник был огромный. Один только постамент имел высоту в два человеческих роста. Сталин поднял глаза и посмотрел вверх на высеченного из камня человека, который стоял, вытянув вперёд руку, как бы показывая куда-то вдаль. В такой позе обычно изображали Ленина, но это был не Ленин.

«Генеральный комиссар госбезопасности, Маршал Советского Союза, Герой Социалистического Труда Лаврентий Павлович Берия» было написано на постаменте золотыми буквами.

Вождь долго смотрел на изваяние, но его лицо в это время ничего не выражало, и поэтому нельзя было догадаться, в каком он сейчас находится настроении. Наконец, через некоторое время Сталин сел в свой лимузин, и колонна продолжила путь.

Лаврентий Павлович встречал Вождя на пороге роскошного средневекового дворца, принадлежавшего до революции какому-то князю. Берия специально выбрал его для празднования своего дня рождения, чтобы поразить высокого гостя. Когда сталинский лимузин остановился у ворот, глава госбезопасности с широкой улыбкой пошёл навстречу

Отцу Народов.

– Здравствуйте, товарищ Сталин, – произнёс он.

Иосиф Виссарионович пожал протянутую ему ладонь и, кинув взгляд на роскошный дворец, брезгливо поморщился. Как известно, он любил скромность.

– Послушай, Лаврентий, – сказал с усмешкой Вождь тихим голосом. – Мы сейчас ехали к тебе и видели очень странную картину.

– Какую? – всё ещё улыбаясь, спросил Берия.

– Там возле дороги на обочине какой-то человек стоит, – невозмутимо продолжал Сталин. – Стоит и куда-то рукой показывает. Ты не знаешь, кто это?

И Вождь вдруг сразу стал серьёзным и прищурившись посмотрел прямо в глаза несгибаемому наркому. Улыбка сразу слетела с лица Лаврентия Павловича. Он слишком хорошо знал цену этого взгляда.

– Подумай об этом, Лаврентий, – произнёс Сталин. – А когда подумаешь, сделай выводы.

И Вождь пошёл к воротам мимо остолбеневшего Берии.

Лаврентий Павлович развернулся и засеменил вслед за Сталиным. Он растерянно покрутил головой и, увидев в толпе встречающих своего заместителя, жестом подозвал его к себе. Заместитель подбежал, и Берия шепнул ему на ухо несколько слов, после чего тот удивлённо уставился на своего шефа.

– И немедленно… – вслух сказал Лаврентий Павлович.

– Есть! – гаркнул заместитель и со всех ног бросился прочь.

Говорят, что памятник исчез уже к следующему утру. Даже следов не осталось.

Проклятие Иуды

Город Иерусалим,

Начало нашей эры.

Небольшая темница с сырыми каменными стенами освещалась несколькими факелами и выложенной из больших булыжников жаровней, в которой горел огонь. Около неё стоял огромного роста палач в кожаном фартуке и с равнодушным видом шевелил на металлической решётке щипцы, иглы и другие орудия пыток, чтобы они лучше прокалились. Вид его был страшен: чёрные всклокоченные волосы на голове и нечёсаная борода, мускулистые руки и покатые мощные плечи. Он изредка поглядывал на человека, висевшего перед ним на толстых цепях, но при этом лицо его оставалось совершенно невозмутимым.

Человек, прикованный к стене, был абсолютно голым, если не считать тонкой набедренной повязки. Голова его безвольно висела, и длинные чёрные прямые волосы закрывали лицо. Худое тело блестело в тусклом красном свете, а на выпиравших рёбрах были видны кровавые рубцы от ударов кнута. Перед ним стоял небольшой деревянный грубо сколоченный стол и два таких же стула с кривыми спинками. Больше в этой комнате мебели не было.

Вдруг палач насторожился и замер, прервав своё занятие. Раздались шаги, деревянная дверь со скрипом отворилась, и

в темницу вошли два центуриона в красных плащах и шлемах с длинными чёрными перьями. Офицеры окинули взглядом комнату и посторонились, встав с обеих сторон двери.

Тут же между ними в темницу быстро прошёл невысокий человек с седой непокрытой головой в белом длинном плаще и такой же белой тунике. По надменному выражению лица и золотой бляхе было сразу понятно, что это знатный римский патриций. Человек сразу подошёл к несчастному, висевшему на стене, после чего тут же обратился к палачу.

– Он упорствует?

– Да, префект, – ответил гигант, низко склонив голову.

– Приведи его в чувство, – сказал патриций и уселся на один из стоявших рядом стульев.

Палач взял со стола деревянную кружку, плеснул в неё воды из кувшина, подошёл к человеку, прикованному к стене, и подняв за волосы его голову, поднёс кружку к его губам. Несчастный стал судорожно пить воду, и при этом стало видно, что это ещё совсем молодой юноша, у которого даже не росли усы.

– Довольно! – воскликнул префект.

Палач поставил кружку на стол и отошёл в сторону.

– Ты меня знаешь? – спросил патриций у юноши.

Прикованный к стене, как видно, постепенно приходил в себя и сейчас смотрел перед собой затуманенным взором.

– Иуда Искариот!? – ещё громче спросил человек в белом плаще. – Ты узнаёшь меня?

– Да, – с усилием ответил молодой человек. – Ты – Понтий Пилат, римский префект Иудеи.

– Мне сказали, что ты упорствуешь и не хочешь сотрудничать с властью. Это правда?

– Я никогда не сделаю того, что вы от меня просите.

– Редкостный упрямец! – с удивлением воскликнул Пилат. – Ты понимаешь, что согласиться – это единственный шанс для тебя выйти отсюда живым!

– Я не боюсь смерти, – произнёс Иуда с усмешкой. – Страданий я тоже не боюсь. Всё это уже не имеет значения.

– Что же для тебя сейчас имеет значение? – нахмурившись проговорил префект.

– Этот человек послан к нам высшими силами, – спокойно ответил юноша. – Он послан, чтобы спасти род человеческий. Даже после его смерти память о нем будет жить вечно, и он ещё не раз явится Миру.

– Спасти человеческий род? – удивился римлянин. – От кого?!

– От нас самих, – Иуда улыбнулся. – Не понимаете? И не поймёте до той поры, пока сами не поговорите с ним. А я его никогда не предам!

Молодой человек посмотрел в глаза Пилату, и тот в изумлении увидел твёрдый смелый взгляд. В этот момент префект понял, что ему не сломить этого человека. И это было поразительно. Но Понтий Пилат знал, что если нельзя сломать, то можно обмануть. Ибо не зря же ещё в глубокой древ-

ности изобрели подлость, шантаж и предательство.

Он думал всего несколько секунд, после чего повернул голову и произнёс: «Оставьте нас».

Центурионы переглянулись между собой.

– Но, префект, – ответил один из них. – Это против правил. Мы не можем оставлять вас наедине с преступником.

– Вон, – не повышая голоса, сказал Пилат. – То, что я сейчас скажу, не должно коснуться ничьих ушей, кроме его.

Центурион сделал знак палачу, после чего все трое покинули помещение и закрыли за собой дверь.

– А теперь послушай меня, – произнёс префект. – Только послушай внимательно. Этот человек, Иисус из Назарета, всё равно будет нами арестован. Я ещё не знаю, что решит с ним сделать суд, но сразу после этого мы распустим слух, что это ты его предал. Твоё тело будет найдено за городской стеной с ножом в спине, а в кармане будет лежать кошель с тридцатью серебряными монетами. После этого именно тебя будут считать предателем своего учителя. Ты говоришь, что Иисуса люди будут помнить вечно, а значит, они будут помнить вечно и твоё предательство. Твоё имя проклянут и многие тысячелетия будут вспоминать как символ низости и подлости. Ты меня понимаешь?

В глазах юноши вдруг отразился испуг и паника.

– Ты не сделаешь этого, римлянин, – с трудом проговорил он.

– Ещё как сделаю, – усмехнулся Пилат, – и ты это знаешь.

Префект встал со стула и пошёл к выходу из темницы, но у самой двери остановился и повернулся к Иуде.

– У тебя есть время подумать до утра, – сказал он.

– Будь ты проклят, Понтий Пилат!!! – в отчаянии вскричал молодой человек.

– Твоё проклятие недорого стоит, – усмехнувшись, возразил римский префект Иудеи. – Ведь очень скоро на тебя самого и на весь твой род падёт вечное проклятие людей, и ты даже после смерти не найдёшь покоя.

С этими словами Пилат вышел из каземата, и Иуда Искариот остался один. Он смотрел на закрывшуюся дверь, а на его лице застыла маска великого ужаса. В его голове клубились кошмарные мысли, а перед глазами стояла лишь темнота. Сейчас Иуда представлял себе всю глубину вечного презрения и ненависти, которые падут на него. Внутри возникли страшные чувства, которые разум его уже не мог выдержать.

– Не-е-ет!!! – вырвался крик из его горла, и он потерял сознание.

Инспектор ДПС

Машина остановилась у самого крыльца, и старший лейтенант Сергей Сидорцов, худощавый молодой парень, сразу выпрыгнул из-за руля. Он быстрым шагом направился к дверям отдела ГИБДД, но вдруг увидел метров за десять от себя своего начальника подполковника Щукина, который стоял, облокотившись о крышу своего старенького жигулёнка, и качал шину допотопным ножным насосом. Сергей выкатил глаза от удивления. Мимо такого зрелища он, конечно, пройти не мог.

Самый главный гаишник района был грузным высоким человеком лет сорока пяти с начинающей седеть головой. Он нажимал на педаль насоса всей своей массой, и казалось, что вот-вот его раздавит. Щукин качался в такт движения своей ноги, а лицо его выражало глубокую скорбь.

– Здравия желаю, товарищ подполковник! – гаркнул Сергей. – Чего ж вы компрессор себе не купите? Неудобно ведь так надрываться!

– Чего орёшь, Сидорцов? – недовольно отозвался Щукин, не прекращая работать ногой. – Это вам, молодым, надо всё быстрее, а нам, старикам, торопиться некуда. К тому же в нашем возрасте надо испытывать физические нагрузки. Для сердца полезно.

– Какой же вы старик, товарищ подполковник? – удивился

старший лейтенант. – А если нагрузки нужны, так запишитесь в фитнес-клуб.

– Ну, ладно, умник, – усмехнулся Щукин. – Лучше скажи, сколько ты сегодня протоколов написал?

– Десять, – пожал плечами инспектор.

– Молодец! Растёшь над собой.

Хотя, вопреки мнению обывателей, палочной системы в ГАИ давно не было, всё равно тех, кто выписывал в день меньше пяти штрафов, начальство склоняло при каждом удобном случае.

И тут неожиданно рядом раздался скрип тормозов. Щукин и Сидорцов повернули головы и увидели, как недалеко от них остановилась роскошная иномарка, из которой сразу вышел молодой человек в форме таможенника и пошёл в их сторону. Старший лейтенант не разбирался в званиях таможенников, но судя по важному лицу и большим звёздам на погонах, понял, что это большой начальник.

– Вы начальник ГИБДД? – обратился он к подполковнику, посмотрев на его погоны.

– Я, – ответил полицейский, не прерывая своего занятия. – Подполковник Щукин. С кем имею честь говорить?

– У меня ваши сотрудники сейчас вымогали бутылку водки! – сразу выпалил таможенник, даже не подумав представиться.

– Всего одну бутылку? – недоверчиво спросил Щукин. – За что?

– Говорят, что я на красный свет проехал!

– Нет, это не мои, – лениво возразил подполковник. – Мои за такое нарушение потребовали бы ящик.

Сидорцов напрягся всем телом, чтобы не расхохотаться, а таможенник от удивления выкатил глаза.

– Я буду жаловаться, – только и смог произнести он.

– А это ваше право, – равнодушно ответил Щукин.

Таможенник открыл рот, но вовремя понял, что говорить что-либо уже бесполезно, сразу развернулся и юркнул в свою машину. Завизжала резина, и автомобиль сорвался с места.

– Вот откуда у них такие автомобили? – проговорил старший лейтенант, глядя ему вслед. – А ещё говорят, что гаишники взяточники.

– Много рассуждаешь, – подполковник вдруг нахмурил брови. – И вообще – чего ты здесь стоишь? Живо на развод!

– Есть! – сказал Сидорцов и бросился к дверям отдела.

Сергей ворвался в класс тактики, где уже собралась вся его смена. Здесь проходили разводы после каждого рабочего дня, и на них инспектора сдавали написанные протоколы начальнику смены. Он их тут же читал и делал пометки у себя в журнале, после чего выдавал новые бланки протоколов, если кому-то было нужно. Сейчас возле его стола стоял лейтенант Миша Баранов, молодой щуплый белобрысый парень, а это значит начальник смены проверял именно его работу. Миша только недавно перешёл в ГИБДД из роты патрульно-постовой службы, ещё не знал всех нюансов, поэтому его прото-

колы начальник проверял особенно тщательно.

Сидорцов плюхнулся на свободное место и открыл свою сумку.

– Сколько написал, Серёга? – спросил его инспектор Слава Синицын, оказавшийся рядом.

– Десять, – ответил Сидорцов, выкладывая на стол бумаги.

– А я только восемь, – разочарованно произнёс Слава. – Не было нарушителей.

Все в отделе знали, что старший лейтенант Синицын обычно пишет больше всех протоколов. Он работал очень жёстко, и для него не существовало такого наказания для водителей, как предупреждение. Из каждого нарушения он выжимал максимальный штраф, нагло меняя в графе «нарушение» статьи Кодекса административных правонарушений. Поэтому он был на хорошем счету у начальства, и сползать с этого счёта не собирался. А уж тот факт, что кто-то когда-то написал больше его, он воспринимал как личную трагедию.

– Баранов, ты чего тут пишешь?! – вдруг раздался гневный голос начальника смены капитана полиции Яковлева, который читал очередной протокольный шедевр.

Он снял с носа очки, швырнул их на стол и строго посмотрел на инспектора, стоящего перед ним. Яковлев был полноватым человеком лет сорока с широким добродушным лицом. Он и в жизни был очень деликатным и добрым, но сейчас, судя по голосу, находился в страшном гневе.

– А в чём дело, товарищ капитан? – невозмутимо спросил Баранов.

– Ты посмотри, что ты написал в протоколе! – начальник смены вновь надел очки. – «Гражданин Козодоев ехал на велосипеде, не держась руками за руль. Предупредить»!

В комнате раздался смех.

– А вы что, хотели, чтобы я его за это оштрафовал? – в свою очередь спросил лейтенант, даже не улыбнувшись.

Смех стал ещё громче. Яковлев с сожалением посмотрел на лейтенанта, двумя пальцами поднял его протокол над столом и потряс им в воздухе.

– Какой велосипедист, Баранов!? Тебе что, автомобилей мало!?

– Смена заканчивалась, а протоколов у меня было только четыре, – инспектор виновато смотрел в пол. – Думал, вы ругаться будете. К тому же вы сами говорили, что надо обращать внимание на все нарушения правил.

– Издеваешься, да? Я, конечно, говорил, что надо работать не только с водителями, а ещё и с другими участниками дорожного движения. Но, Баранов! Нельзя же понимать всё так буквально, – капитан громко вздохнул. – Такого больше никогда не пиши! Ты меня понял?

– Понял, товарищ капитан, – равнодушно пожал плечами инспектор.

– Тогда можешь быть свободен!

Тут открылась дверь, и в класс тактики вошёл дежурный

по ГАИ майор Рыжов. Это был уже пожилой человек с широкой лысиной. Он работал в ДПС ещё при Советском Союзе и в следующем году собирался на пенсию. В отделе он пользовался огромным уважением, и все называли его «Дед» или просто Михалыч.

– Синицын здесь? – спросил он.

– Здесь, – ответил кто-то.

Майор повернулся и посмотрел вглубь класса.

– Синицын! – воскликнул он. – Там тебя спрашивают.

– Пускай подождут, – ответил Слава, уткнувшись в свои бумаги.

– Я думаю, что тебе лучше всё-таки выйти, – спокойно настаивал Рыжов. – Там какой-то вьетнамец или кореец пришёл и принёс с собой кусок цветочной ограды.

Все стихли, не понимая, что происходит.

– Вот чёрт! – воскликнул инспектор и бросился к выходу.

– В чём дело, Синицын!? – почти закричал Яковлев, видно, почуяв неладное.

– Да я, товарищ капитан, задержал вьетнамца без прав, а чтобы он не сбежал, приковал его наручниками к ограде и совсем забыл про нег

– Давно?

– Часа три назад!

Раздался страшный хохот. Все поняли, что случилось. Вьетнамец, не в силах расстегнуть наручники, просто выломал часть ограды и принёс её с собой.

– Что это за гестаповские приёмчики? – начальник смены в возмущении выкатил глаза. Он был единственный, кому было не до смеха.

– Я сейчас разберусь! – крикнул Синицын, выскакивая за дверь.

– Освободи немедленно! – вдогонку ему воскликнул Яковлев.

Смех понемногу утих. Капитан опять водрузил на нос очки и покачал головой.

– Клоун, – в сердцах сказал он. – Кто там следующий?

Сергей встал, подошёл к начальнику смены и положил перед ним написанные за сегодняшний день протоколы.

– А, Сидорцов! – воскликнул Яковлев, как будто увидел старого друга. – Ты вчера ночью пьяного оформлял?

– Оформлял, товарищ капитан, – подтвердил Сергей. – Вы же знаете.

– Он уже успел жалобу на тебя настрочить, – сказал начальник смены. – Будто бы ты при задержании его избил.

– А протрезветь он успел!? – удивился старший лейтенант. – У него же две с половиной промили «надуло»!

– Какой русский не любит пьяной езды! – громко произнёс кто-то, и в классе опять засмеялись.

– Разговорчики! – гаркнул начальник смены и опять повернулся к Сергею. – Пиши объяснительную.

– Да какую объяснительную?! – удивлённо воскликнул инспектор. – Он же на ногах еле стоял! Мы его из-за руля

под руки вытаскивали, а пока везли на экспертизу, он мне всю патрульную машину алкоголем провонял. До сих пор не выветрилось! И зачем мне его бить, когда он сам на землю валился?

– Пиши-пиши, Сидорцов, – вздохнул Яковлев. – Правила знаешь. Есть жалоба – надо отписываться.

– Слушаюсь, – зло ответил Сергей. – Эти алкаши совсем оборзели. Я же ещё и крайним останусь.

Капитан Яковлев с сожалением посмотрел на Сидорцова, но ничего больше не сказал. Он снова нацепил очки и уткнулся в протоколы.

После развода Сергей прошёл в раздевалку, быстро переоделся и вышел на улицу. Только он спустился со ступенек, как мимо него, сверкая лаком, проехал огромный джип, за рулём которого вальяжно развалился инспектор Слава Синицын. Сидорцов удивлённо уставился на удалявшуюся шикарную машину и тут услышал за спиной чей-то голос.

– Красиво жить не запретишь.

Сергей обернулся и увидел у дверей майора Рыжова.

– Откуда такое чудо, Михалыч? – удивлённо спросил Сидорцов.

Дед подошёл и встал рядом.

– Нравится?

– Не то слово! – Сергей восхищённо покачал головой. – Где люди такие деньги достают? Может, он взятки берёт?

– Ему взятки брать незачем, – ответил Рыжов. – У него же-

на в банке работает, а дядя – генерал МВД. Скоро капитанскую должность получит, приказ уже подписан. Потом уйдёт в управление на майора и так далее. Генералом будет, помяни моё слово.

– А я-то думаю, зачем он задницу рвёт? – усмехнулся Сидорцов. – Умеют же люди устраиваться.

– А ты как думал? – грустно улыбнулся Михалыч. – Я в органах тридцать лет, ни одного взыскания, а дальше майора не прыгнул. Как бы ты ни вертелся, без блата не поднимешься.

– Это точно.

Они ещё несколько минут стояли молча, думая каждый о своём.

– Ладно, Дед, пойду я, – Сидорцов протянул руку. – Счастливо тебе отдежурить.

– И тебе не хворать, – ответил Рыжов, пожимая его ладонь.

Сергей повернулся и побрёл к автобусной остановке.

Интервью. Часть первая

Совпадение с реальными людьми может быть лишь случайностью.

Карьера Игоря Шатинина на телевиденье развивалась стремительно. Сначала он занимался тем, что собирал материалы для одной из передач, потом занимался тем же, но только для популярного топ-шоу. После этого, отметив его фотогеничную внешность, ему предложили стать диктором в вечерних новостях, а недавно появилась возможность создать свой собственный проект. И Игорь, конечно, ухватился за эту возможность, как говорится, двумя руками.

Передача называлась «Успешные люди». В ней Игорь в прямом эфире брал интервью у наиболее известных людей. Скорее это было даже не интервью, а непринуждённый разговор. «Успешные люди» выходили всего два раза в месяц, не очень часто. Это было удобно, поскольку у Шатинина было из-за этого достаточно времени чтобы хорошо подготовиться. Он тщательно подбирал героев своей передачи, собирал о них информацию и встречался с ними, иногда даже по нескольку раз. Проект стремительно набирал рейтинг, и работодатели Игоря были очень довольны этим обстоятельством.

В следующий раз Шатинин решил пригласить к себе в сту-

дию популярного художника Марка Исакова. Это был уже пожилой человек, но несмотря на это, он был известен своими эксцентричными выходками. Игорь не хотел сюрпризов в прямом эфире и поэтому ездил к художнику три раза, практически отрепетировав с ним весь ход передачи и обозначив круг вопросов, которые будет задавать.

И вот наступил день выхода очередного выпуска «Успешных людей». Исаков, как его просил Игорь, приехал на телевидение намного раньше, и подготовка к прямому эфиру шла своим чередом. Наконец подошло время, они расположились в студии в удобных креслах, и передача началась.

Сначала Марк Исаков поведал о себе, перечислил знаменательные события своей биографии и рассказал про свои самые известные картины. Разговор имел вид дружеской беседы, художник не позволял себе никаких неожиданных выходок, и Игорь уже успокоился.

Передача подходила к концу, и у Шатинина осталось всего пару вопросов.

– Расскажите, пожалуйста, Марк, о своих творческих планах, – попросил Игорь. – Может быть вы хотите написать картину, о которой давно мечтали?

– Никаких планов у меня нет, и ничего писать я больше ни хочу! – вдруг уверенно ответил художник.

– Как такое возможно? – удивился Шатинин. – Всем известно, что вы как раз сейчас находитесь в самом расцвете своего творчества. Ваши две последние работы вызвали на-

стоящий фурор, и на выставку было трудно пробиться.

– Понимаете, Игорь, я хочу уйти из этого Мира, и чем скорее, тем лучше, – просто ответил Исаков.

– Вот как? – усмехнулся Шатинин, думая, что это какая-то шутка. – Может быть, объясните.

– Охотно, – кивнул художник. – Просто мне стало страшно жить. Страшно и скучно. Вы посмотрите, что творится! Мировой кризис не прекращается, люди живут всё хуже, и правительства всех стран уже не справляются с этой ситуацией. Мало того, люди в чьих руках находится власть, в большинстве своём думают только о себе и о своём благосостоянии. Они всё делают для себя, пользуясь своим высоким положением, хотя должны больше думать об обществе. Сейчас ещё началась пандемия, но, даже её они используют для своего обогащения. Это в высшей степени безнравственные люди! Войны тоже не прекращаются. Причём не только войны между государствами! Начинаются войны межнациональные и межрелигиозные. Я чувствую, что надвигается что-то страшное, какая-то глобальная катастрофа, и это произойдёт очень скоро. После неё уже не будет существовать привычного нам Мира, а может быть и вообще всего человечества. Я не хочу до этого дожить, не хочу видеть, как всё рушится. Поэтому не хочу жить!

– Не надо так драматизировать ситуацию, – сказал Игорь. – Возможно это временные трудности, и всё ещё наладится.

– Нет, не наладится! – горячо возразил Исаков. – Всё дело в людях. Люди превратились в нервных меркантильных животных и не думают ни о чём, кроме своей выгоды. Никто из них не думает о чужих страданиях и в случае чего никто не поможет своему ближнему. Это приближает глобальную катастрофу, я это чувствую! Я уже не могу смотреть на человечество без омерзения. И это для меня страшная трагедия!

Художник не на шутку разволновался, и было видно, что для него это больная тема.

– И что вы собираетесь делать, Марк? – спросил Игорь, всё ещё думая, что Исаков говорит не серьёзно.

– Дело в том, что я хочу умереть, – невозмутимо продолжил художник, и у Шатинина отвисла челюсть от изумления. – Да. Сейчас я думаю над этой проблемой. Дело в том, что совершить самоубийство я не могу, и на это есть как минимум две причины.

– Какие? – по инерции спросил Игорь слабым голосом.

– Во-первых, я православный, а христианство учит нас, что самоубийство – это грех. Самоубийц даже в церкви не отпевают, и я не хочу, чтобы меня похоронили за оградой кладбища.

– А вторая?

– А вторая… – Исаков пожал плечами. – А вторая заключается в том, что мне просто страшно это сделать.

Ведущий был в шоке. Несколько секунд он думал, что на это ответить, но не находил слов.

– Да-да, я не шучу, – продолжал Марк, не давая ему опомниться. – Как только я найду способ уйти из жизни безболезненно, то я это сразу же сделаю, можете быть уверенны.

Игорь сидел и переваривал то что сейчас услышал. Художник оказался верен себе, и без скандала не обошлось. А может быть это не скандал? Может быть это интервью поднимет рейтинг его программы на невиданную высоту. Завтра все новостные каналы будут обсуждать слова, сказанные сейчас Марком Исаковым, и это добавит ещё большего внимания к программе «Успешные люди».

Финал передачи был скомкан. Сразу после окончания программы Исаков встал и пошёл к выходу. Игорь бросился за ним, намереваясь сказать ему пару слов и узнать между прочим, что он имел в виду и говорил ли эти слова всерьёз, но художник сказал, что очень торопится и вышел из студии.

Шатинин ещё полчаса потолкался в телецентре и тоже поехал домой. В своей квартире он был уже поздно и понял, что очень устал. Быстро проглотив холодный ужин, он принял душ и завалился спать.

С утра Игорь, как всегда, встал очень рано. Он включил телевизор, который висел на кухне, сварил себе кофе и пошёл в ванную комнату.

Передавали новости. Игорь хорошо слышал голос диктора, потому что увеличил громкость звука.

– Теперь возвращаемся к трагической новости, которая пришла к нам два часа назад, – услышал Игорь. – Как мы

уже передавали, вчера поздно вечером в автомобильной катастрофе погиб известный художник Марк Исаков.

Игорь уронил зубную щётку в раковину и рванулся на кухню. Он уставился в телевизор, на экране которого в этот миг показывали искорёженный автомобиль.

– Как мы уже сообщали ранее, машину Исакова занесло на скользкой дороге, и она врезалась в мачту городского освещения, – продолжал диктор. – Художник погиб на месте. В полиции нам сообщили, что дорога была пустая и хорошо освещённая. Поэтому, непонятны причины аварии. Такое впечатление, что Марк Исаков специально направил свой автомобиль прямо в столб.

Интервью. Часть вторая

Игорь смотрел на экран, раскрыв рот. Только недавно он общался с этим человеком, а сейчас того уже не было в живых. Этого не могло быть, но это было, и Шатинин с трудом понимал происходящее.

Вдруг раздался звонок мобильного телефона, и Игорь, нащупав на столе трубку, поднёс её к уху.

– Ты смотришь новости?! – спросил радостный голос, и Шатинин тут же узнал заместителя генерального директора канала.

– Да, – ответил Игорь.

– Ты понимаешь, что сейчас произойдёт?! – продолжал возбуждённо говорить голос из трубки. – Твой рейтинг просто взорвётся, и ты станешь настоящей звездой.

– Да, – растерянно повторил Шатинин.

– Я вижу, что ты совершенно не рад этому обстоятельству, – удивился зам генерального.

– Чему тут радоваться? – произнёс Игорь. – Человек погиб.

– Все мы смертны, – сказала трубка. – Короче: собирайся и срочно приезжай в студию. Шеф хочет тебя видеть.

Раздались короткие гудки, и ошеломлённый Шатинин швырнул трубку обратно на стол. Он не понимал, как можно радоваться в такой ситуации. Только вчера человек был по-

лон сил и энергии, а сейчас его уже нет. И это было ужасно.

Игорь стал вспоминать свой вчерашний разговор с художником фразу за фразой. Что он тогда говорил? Что ему страшно жить в этом обществе, страшно и противно. И что он хочет уйти из этого Мира, но добровольно он этого сделать не может, потому, что это страшный грех.

Но, может быть, Марк Исаков всё-таки решился на это? Игорь вдруг представил, как это было: огромная скорость, художник сидит за рулём, и неожиданно к нему в голову мгновенно приходит страшное решение. Моментальный выбор, который в следующую секунду мог бы без следа забыться, но Марк, повинуясь этому чувству, вдруг резко выкручивает руль до отказа. Страшный удар, темнота и пустота.

Что он почувствовал в последний момент? И успел ли вообще что-либо почувствовать? Этого Игорь уже никогда не узнает.

И вдруг в Шатинине начал побеждать профессиональный телевизионщик, а эмоции ушли на второй план. Молодой человек попытался отогнать от себя эти мысли, но с первого раза у него это не получилось. Перед глазами стояло лицо художника Исакова, который смотрел Игорю прямо в глаза.

Шатинин стал собираться на работу, с трудом понимая, что он делает. Он оделся, как автомат, допил чашку кофе, потом вышел из квартиры и, как в тумане, вошёл в кабину лифта. Из его головы не выходил вопрос: как Марк Исаков решился на такое, о чём он перед этим думал, и что вообще

люди успевают подумать в таких случаях. И правда ли, что даже при неожиданной смерти перед глазами успевает пройти вся жизнь? Как это проверить? Ведь из этого можно сделать сногсшибательный материал и использовать его в своей программе.

«Ты правда хочешь это узнать?!» – неожиданно раздался громкий шёпот возле самого уха.

Игорь резко обернулся, но кабина лифта была абсолютно пуста. Показалось, подумал он, нажимая на кнопку с цифрой «1».

И тут вдруг он полетел вниз.

Кабина летела в шахту, набирая скорость так быстро, что Игорю показалось, что его ноги отрываются от пола. Шатинин понял, что произошла авария, и сейчас он вместе с кабиной рухнет в пропасть и разобьётся насмерть. От гибели его отделяло двадцать этажей и всего несколько секунд. Игорь похолодел от страха и попрощался с жизнью, но в эту секунду перед его глазами вдруг начали мелькать яркие картины.

Детство, учёба в школе, поступление в университет, служба в армии. Изображения мелькали всё быстрее и быстрее, но несмотря на это, Игорь видел все самые яркие подробности из своей жизни. Целые истории, когда-то произошедшие с ним, менялись, как будто на цветной плёнке в замедленной съёмке.

Он хотел закричать, но ужас сковал судорогой всё его тело, и из лёгких вырвался только нечленораздельный хрип.

Начало работы на телевидении, съёмки передач, программа «Успешные люди», художник Марк Исаков, интервью…

Удар, тишина, темнота…

***

Игорь сидел в машине скорой помощи, и его только что осмотрела врач, а рядом стоял полицейский.

– Вам исключительно повезло, – говорила женщина в белом халате. – Кабина не долетела до пола шахты, но ваша нервная система не выдержала, и от шока вы потеряли сознание. У вас почти нет повреждений, а синяки от падения на пол лифта не в счёт.

– Почему это произошло? – спросил он слабым голосом.

– Трос оборвался, но должна была сработать автоматика и остановить кабину, – произнёс полицейский. – Но она почему-то сразу не сработала, и лифт пролетел восемнадцать этажей, остановившись только на втором. Можно сказать, что сегодня вы заново родились, господин Шатинин.

– Буду считать сегодняшний день своим вторым днём рождения, – кивнул Игорь, выходя из машины.

Молодой человек уже полностью успокоился. Всё уже позади, подумал он, и надо было ехать на работу, тем более, что его директор опозданий не любит.

– Благодарю вас, доктор, – произнёс Игорь, поискав взглядом свою машину. – Но мне пора.

– У вас сегодня может кружиться голова, но это не опасно, – сказала врач. – Возьмите на всякий случай таблетки.

– Спасибо, – поблагодарил Шатинин, взял у неё из руки коробочку и пошёл к своему автомобилю.

Игорь подошел к машине, открыл дверь и вдруг замер. Ему показалось, что кто-то стоит за его спиной.

– Теперь ты всё испытал сам, – сказал тот же голос, который он слышал в лифте, – и тебе не надо ни у кого больше спрашивать, как это происходит.

Игорь от неожиданности выронил ключи на асфальт. Он развернулся всем телом и увидел, что прямо перед ним стоит не кто иной, как погибший вчера вечером художник Марк Исаков.

У Шатинина отвисла челюсть от изумления, он попятился назад и больно ударился спиной о дверцу своей машины. Исаков посмотрел на него, усмехнулся и, развернувшись, не торопясь пошёл прочь.

Игорь стоял ещё несколько секунд, не в силах прийти в себя, но потом опомнился и бросился за художником. Он догнал его уже на другой стороне двора, схватил за плечо и рывком повернул к себе.

На него смотрело совершенно незнакомое лицо. Совсем молодой парень, длинноволосый, в больших круглых очках.

– Какие вопросы, земляк? – спросил он голосом, абсолютно не похожим на голос Марка Исаева.

Игорь ошарашенно смотрел на него пару мгновений, после чего отпустил его куртку.

– Извините, – пробормотал он. – Я обознался.

– Бывает, – ответил парень, отвернулся и пошёл дальше.

А Игорь, застыв на месте, всё смотрел ему вслед до тех пор, пока этот парень не скрылся за поворотом.

Конец.

Оформление обложки с pixabay.com/ru по лицензии CCO.